

А. Дробина

БРИЛЛИАНТЫ ДЛЯ КУКЛЫ

ЧЕРНЫЙ КОТ

Анастасия Дробина

Бриллианты для куклы

«ЭКСМО»

2009

Дробина А. В.

Бриллианты для куклы / А. В. Дробина — «Эксмо», 2009

ISBN 978-5-699-33592-3

Блеск бриллиантов, загадочное сияние изумрудов, благородная красота старого золота... Каждый хоть раз в жизни мечтал отыскать сокровища! Но у Юльки Полторецкой и ее друзей другая проблема. Ребята нашли посреди двора старинную куклу, доверху наполненную украшениями. Кто-то выбросил игрушку из окна старухи-соседки – то ли она сама, то ли ее загадочная гостя. Но кому на самом деле принадлежат драгоценности? И удастся ли вернуть золото и бриллианты хозяйке или сокровища попадут в руки мошенников, которые уже взяли Юлькин двор под наблюдение?..

ISBN 978-5-699-33592-3

© Дробина А. В., 2009

© Эксмо, 2009

Анастасия Дробина

Бриллианты для куклы

В последний день учебного года Юлька Полторецкая по прозвищу Полундра сидела на крыше гаража, обхватив руками ободранные колени, и рыдала. Перед Юлькиным несчастьем бледнело все – лето, начало каникул, недавно подаренный дедом MP-3 плеер, ясная погода и сочувствие верных друзей. Друзья сидели тут же, на крыше, и молчали, проникшись трагизмом сцены. Серега Атаманов, Юлькин сосед и друг с младшей группы детского сада, жевал травинку и художественно сплевывал с гаража в лопухи. Толстый Андрей по прозвищу Батон меланхолично надувал пузырь из жвачки и одновременно пытался отвлечь Юльку от истерики:

– Полундра, не вой, чего уж там... Мне тоже алгебру пересдавать, но я ж тут не ору дурниной... А меня дед в деревне Михеево ждет, уже три телеграммы прислал, в огороде не тянет один...

Лучшая подруга Белка Гринберг из солидарности всхлипывала тоже:

– Юль, да не расстраивайся ты... Поду-умаешь, переэкзаменовка... Вот у меня концерт через два дня – это да... Каждый день по три часа за инструментом – хуже любой переэкзаменовки, вот!

В Белкиных словах была своя правда, но Юлька в ответ взревела так, что Атаманов незаметно отодвинулся и почесал полуоглохшее ухо.

– Вы!.. Ты!.. Со своим роялем!.. Тоже мне – сравнила! Я никогда не сдам эту алгебру, никогда! Ясно вам – никогда-а-а... Не понимаю, зачем от «а» отнимать «б»? Если из десяти вычитать пять, тут хоть смысл есть, а от «а» отнимать «б»... Просто издевательство! А много-члены сокращать – насилие над личностью!

– Понятное дело... – осторожно вставил Серега.

– Вот, Атаманов, ты нормальный человек, ты понимаешь! А Катюшка не понимает! И влепила переэкзаменовку! И... и... и еще братец придурочный приезжает! А я в Евпаторию хочу! К тете Клавде! На мо-о-о-ре... И чего наша Катюшка на пенсию не идет? Всю бы школу осчастливила! Так нет, работает, старая холера, покоя ей нету! Скачет в школу как на праздник, садистка проклятая!

Все присутствующие дружно вздохнули. Белка обняла страдалицу за плечи. Атаманов похлопал ее по спине. Батон вытащил из кармана жвачку и протянул Юльке. Ее горе заслуживало уважения.

Юлька Полундра не любила алгебру. Она любила ролики, скейт, футбол, клубничное мороженое, картошку из «Макдоналдса», книги про Шерлока Холмса, сериал «Барсы Нью-Йорка» и конкретно агента Тайгера, на которого мечтала быть похожей. Но математичка по прозвищу Катюшка не принимала Юлькины интересы во внимание и уже давно обещала ей летнюю переэкзаменовку. И подлая училка сдержала свое обещание сегодня утром, в классе, при объявлении экзаменационных отметок. Теперь Юльке предстояли долгие недели дополнительных занятий, вечерние сидения над ненавистной алгеброй под контролем деда и – повторный экзамен.

Это было еще полбеда, и при своем железном характере Полундра бы справилась. Но всего час назад пришла телеграмма от тетки из Иркутска. В Москву для поступления в университет направлялся Юлькин двоюродный братец Пашка Полторецкий, который был гением компьютерной мысли. После окончания у себя в Иркутске информатического колледжа он послал работу на конкурс в МГУ, и работа оказалась такого космического уровня, что в университете были готовы принять Пашку без экзаменов, причем сразу на второй курс, просили только приехать, чтобы подтвердить авторство. Другими словами, профессора хотели убедиться, что все эти программные алгоритмы Пашка сочинял сам. Иркутского кузена Юлька не видела лет

восемь и с удовольствием не видела бы еще столько же. Но дед Игорь Петрович, доцент Военной академии, глава семейства Полторецких, объявил, что внучка обязана остаться в Москве и оказывать кузену из провинции всяческую помощь, знакомя с городом и объясняя особенности столичной жизни. По мнению Юльки, братец отлично бы разобрался во всем сам, раз уж у него хватило ума для поступления в такое крутое высшее учебное заведение, но Игорь Петрович был непоколебим. Стало быть – прости-прощай, Евпатория, солнечный крымский город, прощай, белый домик тети Клавы, весь завитый виноградом, прощайте, теплое море, солнце, черноморские кухни Марьяна, Лелька и Шурка, ожидающие Юльку с прошлого года... В общем, прощайте, счастье и каникулы. Жизнь прожита напрасно и кончена. И из-за чего? Из-за старой маразматички-математички и придурка-братца с манией величия!

– Ладно, Полундра, закрой рот, – участливо сказал Серега. – Всех голубей распугала. Может быть, еще...

Закончить мысль Атаманов не успел, потому что Батон вдруг приподнялся с места, вытянул шею и удивленно воскликнул:

– Ой, смотрите, какая тачка паркуется!

– Где? – Юлька тут же перестала завывать и первая свесилась с крыши гаража.

Действительно, у края тротуара парковалась ослепительно белая «Альфа-Ромео», новая, без единой пылинки.

– Она не из нашего двора, – озвучил Батон то, что и так было всем известно. – К кому такая, интересно?

Передняя дверца автомобиля открылась, и из него вышла молодая женщина в голубом брючном костюме и с великолепными рыжими волосами, падающими на плечи. Заглянув в записную книжку – видимо, сверяя адрес, – она в нерешительности шагнула к подъезду, остановилась, осмотрелась и увидела вытянувшую шею компанию на крыше гаража.

– Детка, квартира двенадцать здесь находится?

Атаманов, к которому женщина обратилась, возмутился «деткой» так, что потерял дар речи, и вместо него ответила Юлька:

– Здесь. Третий этаж.

– Спасибо. – Незнакомка улыбнулась и вошла в подъезд.

– Не, вы слышали наезд?! – повернулся Атаманов к друзьям. – Это же...

– Серега, заглохни, – вдруг шепотом сказала Юлька. – Вы слышали, в какую она квартиру чешет? В двенадцатую! К Сове!

– Блин, точно!

Атаманов и Батон переглянулись. И кинулись к краю крыши. Бум! Бу-бум! – грохнул дважды ржавый лист железа вниз, служащий посадочной площадкой. Бух! – немедленно низверглась вслед за мальчишками и Полундра.

– Юлька, я бою-ю-юсь... – заныла было Белка. Но поскольку внизу уже никого не было, отважно подхватила юбку белоснежного летнего платья и, стараясь не думать о том, что скажет старшая сестра Соня, если оно окажется испачканным, храбро прыгнула с гаража на ржавую жесьть.

И Юлька, и Белка, и Батон, и Атаманов родились в этом дворе и в нем же дожили до своих тринадцати лет, а Атаманов даже до почти четырнадцати. Они знали здесь всех, от вечных бабулек на лавочке до самого крошечного младенца в коляске. И только Сова, обитательница двенадцатой квартиры на третьем этаже, была для них неразгаданной тайной.

Возраст ее – высокой седой старухи с недружелюбным лицом – не поддавался определению: ей можно было дать и шестьдесят лет, и все девяносто. На Сове всегда было длинное черное глухое платье (а в холодное время тоже черное пальто) и нелепая шляпа с вуалеткой, слишком старомодная даже для старухи. Прожив во дворе много лет, Сова, тем не менее, ни разу не вышла посидеть на скамейке с соседками, никогда не здоровалась ни с детьми, ни со

взрослыми, не делала замечаний курящим в подворотне пацанам и не возмущалась слишком короткими юбками современных девиц. Она всегда молча шла мимо в магазин, на почту или в собес обычным для нее мелким шагом, глядя прямо перед собой сквозь синие круглые очки, из-за которых и получила свое прозвище. Было очевидно, что ни до кого из обитателей двора ей нет дела. Ну и соседи ее, конечно, недолюбливали.

– Актриса из погорелого театра... – как-то сказала о ней мать Белки, преподавательница консерватории, разговаривая на лестничной клетке с дедом Полундры.

– Вы неправы, Рахиль Моисеевна, – возразил ей Игорь Петрович. – Просто несчастная женщина.

– Через собственную глупость несчастная, – парировала Рахиль Моисеевна.

– Я бы так не сказал, – дипломатично заметил Игорь Петрович, но присутствовавшие при беседе Юлька и Белка поняли, что он полностью согласен с Белкиной мамашей.

Впоследствии, как обе подруги ни допытывались, что имели в виду мать с дедом, старшее поколение держалось стойко и развращать молодежь сплетнями отказывалось. Сова оставалась загадкой. Когда Юльке было лет восемь, она была уверена, что Сова – настоящая ведьма и в квартире у нее стоят помело, ступа, котел для варки зелья и волшебное зеркало, чтобы вызывать нечистую силу. Но в тринадцать лет в такие вещи верить глупо, Юлька это прекрасно понимала. И вдруг к Сове – такая мадам на новеньком автомобиле «Альфа-Ромео»?!. Что бы сие значило?

– Стоять!!! – рявкнул вдруг мчавшийся впереди всех Атаманов.

Полундра, не справившись с инерцией, с налету врезалась в его обтянутую тельняшкой спину и возмутилась было:

– Да ты...

Но грязная Серегина ладонь непринужденно запечатала ей рот. Сзади на Юльку налетели Батон и Белка, послышались новые недовольные возгласы, но Атаманов быстро увлек друзей за собой за угол дома, в заросли лопухов, и зашипел:

– Подождите! Окно открывается!

Действительно, на третьем этаже в квартире Совы, рядом со ржавой пожарной лестницей, открывалось окно. Друзья затихли и приготовились ждать.

Ждали довольно долго. Из подъезда никто не появлялся, из раскрытого окна – тоже. Батон заскучал и, сев прямо на теплую землю, снова начал надувать огромный пузырь из жвачки. Пузырь лопнул одновременно с шипением Атаманова:

– Эй, смотрите! Вон она, Сова! БЕЖИТ!

Сказанное Серегой было столь невероятным, что Юлька высунулась из зарослей целиком – и увидела стремительно удаляющуюся по тротуару черную фигуру. Это в самом деле была Сова, ее прямую осанку и черную шляпу с вуалеткой ни с чем не перепутаешь. Старуха неслась на всех парах куда-то прочь со двора, и, проводив ее круглыми от изумления глазами, вся компания друзей уставилась на Атаманова. Тот, как мог, справился с потрясением от увиденного и распорядился:

– Батон, дуй за ней. Посмотри, куда она такой рысью помчалась.

Батон выскочил из лопухов и затопал вслед за Совой, сотрясая асфальт и поднимая пыль кроссовками. Девчонки уставились на Серегу. Тот, нахмурившись, смотрел на открытое окно третьего этажа. Затем поглядел на «Альфа-Ромео» у края тротуара. Хмыкнув, спросил:

– Ну а рыжая-то где?

Ответом ему было только удивленное сопение. На всякий случай друзья подождали еще немного, но из подъезда больше никто не появился. Атаманов осмотрелся по сторонам: двор был пуст, страшная жара разогнала по квартирам даже стойких бабулек с лавочки. И тогда Серега принял решение:

– Надо пойти заглянуть.

- Куда? К Сове?! Прямо домой?! – всполошилась Белка. – А... а вдруг дверь закрыта?
– Полундра, стоняй проверь... – отдал указание Серега.

Юлька с готовностью нырнула в подъезд и через две ступеньки попрыгала на третий этаж. Вскоре она вернулась и разочарованно сообщила, что дверь в квартиру захлопнута. Она даже, на свой страх и риск, позвонила и сразу же спряталась на лестнице, но дверь никто не открыл. Между тем ни умчавшейся Совы, ни Батона не было видно.

– Ну и куда ж она рванула? – усиленно размышлял Атаманов, стоя у подъезда и не сводя глаз с распахнутого окна. – В ее-то годы так скакать... И что там рыжая одна делает?

Юлька тем временем сосредоточенно разглядывала ветхую пожарную лестницу, тянущуюся по стене на крышу. Лестница проходила как раз мимо открытых окон Совы. Атаманов перехватил ее взгляд и тихо сказал:

- Слабо, Полундра?
– А самому слабо? – тут же ошетибилась Юлька.
– Атаманов, Юлька, вы сдурели?! – запищала Белка. – Это ведь незаконное вторжение!

На частную территорию! Сережка, тебе уже четырнадцать, посадить ведь могут!

– Да не собираюсь я никуда вторгаться, – возразил Атаманов. – Посмотрю только, и все. Никакого вторжения, за такое не посадит никто. Посмотрю – и вниз.

– Ты свалишься, дурак!

– Кто, я? Сто раз лазил по лестнице на крышу. Она крепкая! Отвянь, Гринберг, время идет! Полундра, ты в доле или нет?

Атаманов посмотрел на боевую подругу, ухватился за нижнюю перекладину лестницы, подтянулся и, перед тем как начать восхождение, распорядился в последний раз:

- Белка, беги на угол и стой там на атаке. Если Сова или Батон покажутся – свисти!
– Я не умею... – пискнула Белка.
– Тогда ори. Живо давай! Полундра, ну?
– Я щас, – решила Юлька.

Она подпрыгнула, повисла на нижней ступеньке, затем ловко подтянулась. Белка, покрутив на всякий случай пальцем у виска, помчалась на угол. Во дворе по-прежнему стояла тишина. Поднявшись до второго этажа и задрав голову, Юлька с ужасом увидела, что Атаманов уже сидит на подоконнике открытого окна ногами внутрь и собирается спрыгнуть в квартиру.

– Серега, ты чего? Ты же только заглянуть хотел! Слезай немедленно! Серега, сейчас же назад! – впала в панику Юлька, но Атаманов лишь досадливо отмахнулся и исчез в недрах самой загадочной во дворе квартиры.

– Ой, мамочки... – простонала Юлька, карабкаясь следом за другом. Вернуться вниз, бросив Атаманова одного, ей и в голову не пришло. Через минуту она, боясь оглянуться, на животе переползала через широкий подоконник в квартиру Совы.

Квартира была большой и, как показалось Юльке после яркого солнца двора, очень темной. Атаманов, видимо, был уже в другой комнате, потому что его Полундра не увидела. Зато взгляд ее упал на круглый стол под скатертью, на которой был накрыт чай: очень красивые синие чашки с золотым ободком, сахарница, печенье в вазочке. Чашек было две, и на краю одной из них Юлька, присмотревшись, разглядела след красной губной помады. Сова помадой не пользовалась, это она знала точно. К тому же в блюдце лежал окурочек тонкой дамской сигареты. Подойдя ближе к столу, Юлька убедилась: чай в чашках еще теплый, а сигаретный окурочек еще тлел. Что могло заставить Сову бросить чай и сломя голову помчаться куда-то со двора? И куда делась ее гостья?

Недоумеая, Юлька обошла вокруг стола, ненадолго остановилась у серванта, чтобы разглядеть явно старинную куклу в голубом платье, сидящую наверху. Следуя закону благоразумия, она уже готова была смыться, когда на пороге соседней комнаты вырос Атаманов.

Такого лица у своего бесстрашного друга Полундра не видела даже тогда, когда они вдвоем стояли против стенки шиннозаводских пацанов и помощи ждать было неоткуда. Атаманов молча поманил ее. Юлька на цыпочках подбежала... и, вытаращив глаза, схватилась за Серегино плечо.

Женщина лежала там, в большом зеленом кресле, запрокинув голову с роскошными рыжими волосами. Ноги в голубых брюках протянулись почти до середины комнаты, губы, накрашенные алой помадой, были чуть приоткрыты. Юлька испуганно шмыгнула носом и чуть не чихнула от незнакомого запаха, идущего от рыжей: горьковатого, как свежерастертая в ладонях полынь.

– Она... живая? – придушенно спросил Атаманов.

Юлька судорожно вздохнула, присмотрелась. Прошептала:

– Вроде дышит... да... Атаман, атас!

Она шарахнулась к двери, увлекая за собой Серегу. Но тот зацепился за торшер, который со скрипом начал заваливаться набок, грохнулся, осколки разбившегося зеленого абажура брызнули по углам, но женщина в кресле даже не шевельнулась. И тогда они дали деру, Полундра – первая, Серега – за ней.

Поскользнувшись у самого окна, Атаманов ударился коленом об пол и взвыл.

– Ты чего?! – Юлька, уже стоявшая на пожарной лестнице, снова сунула голову в окно.

– Осколок, блин! Лампа чертова! – выругался Атаманов, вытаскивая из-под колена зеленую стекляшку.

– Порезался?

– Вроде нет...

– Так бросай осколок – и тикаем!

Бросать было некогда, Атаманов сунул стекляшку в карман и кинулся в окно вслед за подругой.

Юлька еще не успела спрыгнуть на землю, когда раздался истошный визг Белки от угла:

– Сова-а!

Почти сразу же послышалось топанье боевого индийского слона, и из-за поворота вылетел Батон – красный, вспотевший, с вытаращенными глазами и сотрясающимся животом. Атаманов, застрявший на уровне второго этажа, с грохотом, пропуская ступеньки, заскользил вниз по пожарной лестнице, каким-то чудом приземлился на ноги, схватил Юльку за руку и, увлекая ее за собой, помчался прочь. Сзади слышался топот: это бежали Белка и Батон. Вся компания пронеслась вдоль забора, протиснулась сквозь дырку в решетке, скатилась по поросшему полынью обрыву в овраг, под ограду стадиона, и только там, в знакомых зарослях, среди пустых пластиковых бутылок и разбросанных окурков, остановилась.

– Юлька, Серега, что с вами? – потрясенно спросила Белка. – Что там было?

Атаманов помотал головой. Взъерошил обеими руками волосы. Потер кулаками лоб. Поднял на Белку ошалелые глаза, затем посмотрел на Полундру и хрипло сказал:

– Рыжая там. В кресле валяется. Вроде дышит. А может, уже и нет.

Белка ахнула. Батон сказал короткое мужское слово, которое не одобряла Белкина старшая сестра. А Полундра, икнув, спросила:

– Это что же... получается, Сова ее пристукнула? И... сбежала?

Белка и Батон только пожали плечами и беспомощно переглянулись. А со стороны улицы внезапно, заставив всех подпрыгнуть, донеслась оглушительная сирена «Скорой помощи».

– К нам? – прошептала Юлька. Вскочила и гигантскими прыжками помчалась вверх по склону оврага, назад к дому. Через мгновение ее догнал Атаманов.

– Подождите! Подождите-е! – зывали снизу Батон с Белкой.

Но Юлька и Атаманов остановились лишь за углом дома, чуть не врезавшись лбами в белую карету «Скорой помощи», паркующуюся у подъезда. Врачи в синих спецкостюмах споро выскочили из машины и побежали в подъезд. Юлька поскакала за ними, жалобно пища:

– Эй, вы в какую квартиру? У меня дед один дома старый, в четвертой квартире... Не к нему?

– Не, мы к бабуле из двенадцатой, – на бегу сообщил один из фельдшеров.

Однако Юлька не отстала, добежала вместе с бригадой до полуоткрытой двери в квартиру Совы и умудрилась даже просунуть нос в дверь. Рыжую она увидеть не успела, но, к своему несказанному изумлению, увидела саму Сову, лежащую на диване.

– Тебе здесь чего? – недружелюбно спросила врачаха. – Твоя бабка?

– Не-е... я... это... Может, помочь чего?

– Ступай-ступай, сами справимся. – Дверь захлопнулась.

Десятью минутами позже вся компания опять сидела на крыше гаража и смотрела, как уезжает «Скорая помощь». Носилок с неподвижной рыжей дамой врачи не вынесли, и Атаманов не выдержал:

– Белка, иди!

– Почему я? Пусть Юлька...

– Полундра засветилась уже. Иди, а то уедут!

«Скорая помощь» уже собиралась отъезжать, когда Белка подсемила к открытому окну машины и интеллигентнейшим голосом лауреата конкурса «Щелкунчик» спросила:

– Простите, пожалуйста, а что случилось?

– Ничего особенного, сердечный приступ, – скучным голосом ответила врачаха.

– У Совы? Извините... у хозяйки квартиры, да?

– Угу... Поезжай, Михалыч, из Пересветова переулка вызов был, рядом тут...

«Скорая помощь» снялась с места и укатила за угол. Белка стояла и смотрела ей вслед.

Сзади подошли остальные.

– Ну что? – напряженно спросил Атаманов. – Где рыжая?

– Глюки у вас с Полундрой, – фыркнула Белка. – Бросай курить.

– Чего-о-о?! А по соплям?!

– Не было там никакой рыжей. Наверное, выскочить как-то успела, а мы не заметили.

У Совы с сердцем плохо было, вот и вызвала себе «неотложку». Телефона у нее нет, сбегала за угол. Вот и все.

– А как Сова неслась, ты помнишь? С сердечным приступом так не бегают! – взвился Атаманов. – И рыжая была! Падлой буду – была! Сам видел! И Полундра видела!

– Очки купите.

– Ну я тебе щас... – Атаманов кинулся к Белке, но его отпихнул Батон:

– Остынь. Она-то при чем? Ты сам глядел – никого не выносили.

– А я своими глазами видела, рыжая была! – поддержала друга Полундра. – Лежала там, в квартире, ножки протянувши! Мы сначала решили, что кирдык ей, а потом глядим – дышит...

Друзья посмотрели друг на друга. Сложившаяся ситуация требовала обсуждения. К тому же время перевалило за полдень и всем захотелось есть.

– Идемте ко мне, – предложила Белка. – Соня на концерт ушла, до ночи не вернется.

– Борщ есть? – деловито спросил Атаманов.

– Целая кастрюля. Вчерашний, правда.

– Плевать, – решил Атаманов. – Пошли...

В большой квартире семьи Гринберг было пусто. Паркет блестел, и, прежде чем войти внутрь, Батон снял кроссовки, а Атаманов вместе с кроссовками и носки. Они не сразу заме-

тили плывущие из кухни клубы дыма. Белка увидела их первой, с воплем кинулась в пищеблок, а через минуту стало ясно, что борща Атаманову не видать.

– Соня опять забыла с плиты снять... – оправдывалась Белка, держа на вытянутых руках чадающую черным дымом кастрюлю. – Она перед своими концертами вообще соображать не способна. Хорошо еще, что мы пришли, а то бы пожар случился...

Атаманов молча пожал плечами. Рассеянность Белкиной сестрицы, восемнадцатилетней студентки консерватории, была известна всему двору.

– Дед утром котлеты жарил, – вдруг вспомнила Юлька и помчалась на балкон. Там, перегнувшись на соседнюю лоджию, она истошно завопила:

– Де-ед! Дай котлеты!

Вскоре стеклянная дверь того балкона распахнулась, вышел Игорь Петрович – сухой, прямой, как палка, старик с одной намыленной щекой и с огромной сковородкой в руках. Без единого слова он передал сковородку на соседний балкон, внучке в руки, и вернулся к себе.

– Вот таких дедов уважаю! – одобрил Атаманов, разваливаясь в кресле и устанавливая сковородку на полированном столике. – Никаких вопросов дурацких, только дело. Котлеты – значит, котлеты... Юлька, давай мне вон ту... и ту, и еще эту...

– Обожрешься! – Юлька ловко выхватила из рук Сереги четвертую котлету и передала ее благодарно кивнувшему Батону. – Ну, братва, какие будут мнения?

Белка тем временем открыла рояль и установила на пюпитре ноты. Полундра тут же усеялась перед ними, намереваясь исполнить двумя пальцами «Собачий вальс», но Белка сделала ей страшные глаза, придвинула к стене магнитофон и, подмигнув присутствующим, нажала кнопку. По комнате поплыли звуки сонаты Бетховена.

– Бе-е-елка... – поморщился Атаманов. – Ничего другого нет? Поставь рэп, что ли...

– Ага! А потом Гангрена, – Белка с ненавистью кивнула на стену, подразумевая обитавшую за ней соседку, – Соне настучит, что я вместо того, чтоб к концерту готовиться, Би Би Джея слушаю. «Ах, дорогая Сонечка, ваша Бэллочка такая хорошая девочка, зачем же вы ей позволяете включать всякий молотобойный ужас...» Ненавижу подлюку!

Собрание понимающе кивнуло. Атаманов вздохнул и приготовился длительно облагораживаться Бетховеном. Соседка Анна Георгиевна, пресловутая Гангрена, была хорошо известна всем.

– Каково ваше мнение, джентльмены? – произнесла Юлька любимую фразу агента Тайгера. В ее глазах появился холодный тигриный блеск. Все невзгоды последних дней – Катюшка, переэкзаменовка, визит кузена из провинции – были сейчас напрочь ею позабыты.

– Рыжая была, – упорно в который раз сказал Атаманов. – Лежала и не шевелилась. Мы с тобой ее своими глазами видели.

– Вопрос первый... – Юлька взяла на отлет воображаемую сигарету, потеряла подбородок с воображаемой щетиной и враскачку прошла по комнате. – Кто ее убил? Ну, не убил, а... до обморока довел?

– Сова, – уверенно заявила Белка. – Кто ж еще?

– Сова старая совсем, а тетке самое большое тридцатник, – задумчиво размышляла вслух Юлька. – Немолодая, конечно, но Сове-то вообще лет сто. Она бы с ней не справилась.

– Могла неожиданно по башке чем-нибудь приложить...

– Тогда была бы кровь. Серега, ты кровь видел? Я – нет.

– Не было никакой крови.

– Может, плохо посмотрел?

– Я вообще не смотрел! – рявкнул Атаманов. – Сама бы поглядела, умная такая...

– Ладно, не ори, – примиряюще улыбнулась Юлька. Она сама еще не могла прийти в себя после увиденного, и никакие подробности, кроме рыжих волос, закрывающих лицо лежавшей

в обмороке дамы, упорно не вспоминались. Кроме того, она не знала, сколько крови должно быть при неожиданном ударе по голове.

– Когда я у деда в деревне с сарая на грабли упал, – заявил вдруг Батон, – кровищи море было. Всю козу залил, дед потом ее неделю мыл с шампунем...

– Ну, граблями тетку Сова двинуть никак не могла... – Юлька снова заходила вдоль стены, с трудом попадая в такт Бетховену. – Да если и не граблями... Все-таки, чтобы человека до бесчувствия шарахнуть, сила нужна, а Сова еле-еле из магазина сумку с картошкой прет...

– Она ее отравила! – драматически зашептала Белка. – Подсыпала яду в чай, и все! Атаманов, Юлька, там чашки стояли?

– Стояли! – обрадовался Серега. – И на одной даже помада была!

– Ну, вот! Так все и было: траванула тетку, и...

– И помчалась «Скорую» вызывать, – ехидно заметила Юлька.

Наступила озадаченная тишина.

– Значит, она ее неравила, – сделал логичный вывод Батон. Белка закатила глаза.

– Может, она сама?.. Ну, та рыжая... – предположил Атаманов. – Могло же там у нее с сердцем плохо сделаться... или с желудком...

– Если с желудком – ее бы тошнило, и мы бы уж точно разглядели это. А сердечный приступ – очень даже может быть, – важно произнесла Юлька.

– Ну, тогда я совсем ничего не понимаю, – жалобно сказала Белка, прибавляя громкости Бетховену. – У человека плохо с сердцем, он в обмороке лежит, «Скорая» быстро приехала... И где она?

– Кто?

– Да рыжая ваша! Из квартиры же никого не вынесли! Не вывели даже! Сказали, что с сердцем плохо у старушки было, у Совы то есть. Ни про кого другого никто слова не сказал. Она что, испарилась из квартиры, пока «Скорая» ехала? В окно на венике вылетела?

– Могла и в дверь выбежать, когда мы в овраг ломанулись, – задумалась Юлька.

– Прямо в обмороке выбежала? – рассердился Атаманов.

– Может, притворялась?

– Зачем?!

Снова воцарилось молчание, нарушаемое лишь бурными фортепьянными аккордами из магнитофона. Атаманов остервенело жевал последнюю котлету. Юлька размашисто мерила шагами комнату. Белка с надеждой следила за ней взглядом. Батон что-то сосредоточенно считывал на пальцах.

– Ты что делаешь? – мрачно спросила Юлька.

– Время считаю. Значит, рыжая вошла в подъезд... Полундра минут пять ревела...

– Не пять, а одну!

– Пять, пять... Потом Сова выскочила и помчалась звонить. Я за ней, а вы в окно полезли... Потом я – назад, потом у Совы из окна что-то выпало...

– Из окна что-то выпало? – вдруг медленно переспросила Юлька. – Куда выпало? Может, ты перепутал, может, это мы с Серегой были? Или рыжая выскочила?

– Ничего не вы, – обиделся Батон. – Вы уже в овраг погнали, и Белка за вами. И не рыжая никакая. Что я, идиот? И к тому ж рыжей бы много было, а упало что-то маленькое. Я от угла бегу, вижу – летит что-то из окна и прямо в клумбу.

– Да что ж ты молчал, придурок?! – заорала Юлька.

– Сама ты... Забыл я! Вы со своей рыжей все мозги запудрили! Что я вам, все запоминать обязан?!

Атаманов издал придушенный возглас, вскочил и, перемахнув через стол со сковородкой, как через забор, вылетел из комнаты. За ним кинулась Юлька, следом загрохотал Батон.

Последней квартиру покинула Белка, а вдогонку ей победительно гремела финальными аккордами «Аппассионата». Из соседней двери высунулся любопытный нос соседки.

– Здравсте, Анна Георгиевна... – скатываясь по лестнице, пискнула Белка.

– Здравствуй, Бэллочка... Разве ты не занимаешься?

Ответа не последовало. На лестнице давно смолкли крики и топот, а Гангрена еще долго стояла на пустой лестничной клетке, озадаченно прислушиваясь к ипохондрическим звукам, доносящимся из пустой квартиры: после «Аппассионаты» магнитофон перешел к «Лунной сонате».

За домом, в густой зелени лип и кленов, было тихо. Круглая, окруженная обломками кирпичей клумба сплошь заросла полынью, лопухами и прочими сорняками: больше в лишенном солнца месте не росло ничего, несмотря на объединенные усилия местных старушек-садоводов. Атаманов с разбегу врезался в эти дебри и тут же взвыл, обжегшись крапивой.

– Черт! Найдешь тут что-нибудь, как же... Вон какой лес вырос!

– У бати на балконе коса есть, – вспомнил Батон. – Принести? В полминуты все... обезлесим.

– Ага! И весь двор на нас тарашиться будет. И Сова в первую очередь.

Тут все одновременно взглянули на окна Сова. Они были закрыты и задернуты занавесками, как обычно. Атаманов прав: искать требовалось осторожно. Вот только что именно искать?

– На что это было похоже? – с трех сторон насели друзья на Батона.

Тот сопел, пыхтел, морщил лоб – мучительно вспоминал.

– Не знаю... Оно ж мелькнуло, и нету... Пролетело – и все...

– Большое или маленькое? Тяжелое или легкое? Белое или черное? – волновалась Полундра. – Круглое? Длинное? Квадратное?

– Кажется, длинное... – напряглся Батон. – Не белое никакое и не черное... Голубое, кажется... Или желтое...

– Большое?

– Не, маленькое. То есть не очень маленькое... Но и не большое. Среднее такое.

– О господи... – вздохнула Полундра и с тоской посмотрела на свои голые коленки. – Ладно, Серега, полезли.

– Не суйся, я сам, – проворчал Атаманов, спуская рукава тельняшки и свирепо глядя на крапивные дебри. Белка сочувственно сморщилась и на всякий случай отошла подальше от жгучих зарослей. Серега храбро шагнул вперед, пошипел, попрыгал на месте и – пошел дальше.

– Нет, я так не могу! – объявила Юлька и, зажмурившись, с коротким визгом прыгнула в крапиву за другом.

Батон уныло посмотрел на Белку, с шумом выпустил воздух, готовясь к подвигу, и тут за его спиной послышался мягкий девчоночий голос:

– Извините, вы не это ищите?

Батон и Белка обернулись. Юлька, радуясь поводу, шумно выскочила из крапивы. Атаманов вышел не спеша, солидно, стараясь почесываться незаметно. И все дружно усталились на черноглазую худенькую девчонку с длинными косами. Девчонка покачивала большую коляску, в которой кто-то сопел и чмокал соской. За руку ее держался карапуз в измазанных грязью шортах с такими же черными, как переспелая вишня, глазами. Четверка друзей обменялась взглядами.

– Приезжая? – одними губами спросил Атаманов Юльку. Та как можно незаметнее кивнула.

Кавказская семья прибыла в соседний корпус неделю назад. Весь двор наблюдал из окон за разгрузкой машины с вещами. Судя по прибывшему в грузовике пианино и бесконечным

связкам книг, семья была, как выразился Игорь Петрович, «не самая босяцкая». Разгружать машину помогали отец семейства и двое старших сыновей, женщины же – величественная старуха, две молодые дамы и девчонка – сразу скрылись в квартире и до конца разгрузки не показывались. А уже на следующий день Полундра и компания увидели девчонку, свою ровесницу, с толстой книгой под мышкой, спускающую по ступенькам подъезда коляску с младенцем. Следом топал малыш, волоча на веревке пластмассовый грузовик. Девчонка вежливо поздоровалась со старушками на лавочке, и вся процессия тронулась за дом, в песочницу, где было тихо и зелено.

Так повторялось изо дня в день. То есть каждый день примерно в одно и то же время коляска, пилотируемая девчонкой, выкатывалась из подъезда, карапуз ковылял в арьергарде, и они уходили гулять.

«Может, беженцы? – предполагала Полундра. – Все побросали у себя там и уехали... Надо поближе познакомиться!»

Но познакомиться не получалось. Девчонка появлялась во дворе только с коляской и младшим братом, а подходить с болтовней к человеку, обремененному детьми, Юлька не решалась. К тому же ей не нравился толстенный том, который девчонка немедленно открывала, стоило младенцу в коляске уснуть. Полундра не понимала людей, находящих удовольствие в чтении толстых книг, и в глубине души считала, что они притворяются. «Ботанка! – пожимала она плечами. – Будет она с вами болтать, как же! Вон, зарылась в свою белиберду...»

И вот сейчас «ботанка» с неизменной коляской и младшим братцем на буксире стояла перед ними и, вежливо улыбаясь, протягивала что-то желто-голубое.

– Вы не это ищете? Тамазик нашел в клумбе, а я на всякий случай у него забрала.

– Спасибо, – буркнула Полундра, протягивая руку. И в ладонях у нее оказалась... кукла. Та самая, которую Юлька увидела на серванте в квартире Совы.

Кукла была довольно старой, с раскрашенным и потрескавшимся от времени керамическим лицом, с заплетенными в косы волосами из выцветшей шерсти, в голубом выгоревшем платье и желтой кофточке. Ничего не понимая, Юлька смотрела на куклу. Та, в свою очередь, тарасилась на нее синими стеклянными глазами и молчала.

– Что будем делать? – наконец спросила Юлька.

Друзья молчали.

– Отнести Сове? – робко предположила Белка.

– А если она не Совиная? – засомневался Батон. – Если она той... рыжей... которая в обмороке...

Тут Атаманов ткнул его кулаком в спину, и Батон осекся. Все разом вспомнили, что на секретном совещании присутствует посторонний, и дружно повернулись к девочке с коляской. Та стояла на том же месте, но тонкие брови ее были сдвинуты к переносице.

– Она ваша? Или нет?

– Мы не знаем, – растерянно ответил Батон.

– Как это? – улыбнулась девочка. – Так не бывает.

– Все бывает, – проворчала Юлька. И, обменявшись взглядом с Атамановым, решилась. –

Ладно, ты вот что... Тебя как зовут?

– Натэла Мтварадзе.

– Оч-приятно. Я Юля Полторецкая. Это вот Андрей и Серега, это – Белка.

Натэла вежливо улыбнулась. Ребята кивнули, Белка тоже расплылась в улыбке.

– Вы откуда приехали?

– Из Сухуми.

– Беженцы?

– Нет. Папу перевели по работе.

– А как тебя в школе отпустили? – задала Юлька животрепещущий вопрос. – Ты ведь седьмой заканчивала?

– Седьмой. Экстерном. У меня были одни пятерки, перевели без экзаменов, – просто, без тени хвастовства пояснила Натэла.

Полундра уважительно хмыкнула, потом, поразмыслив, продолжила:

– Тут, понимаешь ли, такое дело... Может, куклу лучше пока и не надо возвращать... В общем, мы тебе все расскажем, раз уж ты ее нашла, но только – чур, не трепать языком! То есть про то, что мы тебе скажем, – никому! Понятно?

Натэла молча кивнула. И задумчиво сказала:

– Тогда, наверное, надо Тамазика отвести домой. И Мириам тоже.

– Это твоя сестренка? – восхитилась Белка, сунув нос в коляску и при виде крошечного личика с длиннющими ресницами забыв даже о захватывающем дух приключении. – Ой, какая краса-а-авица-а... прелесть, пусенька моя, дорогулечка... губочками чмокаем ка-а-ак...

Натэла гордо улыбнулась и пояснила:

– Племянница. Сестры Тамары дочь. Самая красивая у нас!

Тамазик неожиданно не захотел идти домой и, выпятив нижнюю губу, приготовился зареветь.

– Тамазик, маленький, не надо плакать, посмотри, что вот тут есть... – засуетились вокруг него девчонки. Юлька вытащила из кармана слипшуюся ириску, Белка скорчила гримасу лягушонка, Натэла запричитала на своем языке, глядя братика по макушке. Но тот ничему не внимал и уже широко открыл рот с розовым влажным языком.

– Пацан, не вой! – нервно сказал Атаманов, запуская руку в карман джинсов и выуживая кучу разнообразного барахла. – На, держи! Нравится? Дарю!

Тамазик закрыл рот и зачарованно принял в ладошки винты, болты, стекляшки, скомканную пачку из-под сигарет, ключ от квартиры (его Атаманов поспешно отобрал), исписанный маркер, жвачку и несколько шариков от подшипников. Малышу сразу же очень понравилось округлое зеленое стеклышко, он засунул его в рот и более не выпускал.

– Давай, води их домой, – распорядился Атаманов. Посмотрел на Натэлу, помолчал и вдруг заявил: – Я с тобой пойду. Помогу эту дуру твою поднять...

– Какую дуру? – серьезно осведомилась Натэла, взглянув на Серегу черными глазами из-под длиннющих ресниц.

И тут произошел небывалый доселе факт: Атаманов покраснел. Насупился, сдвинул брови и, хрипло откашлявшись, пояснил:

– В смысле, коляску твою... Как ты ее там по ступенькам волочить будешь? Пошли, короче... Братва, мы, в общем, щас вернемся. Но катить сама будешь, а то у меня еще орать начнет.

Он взял за руку Тамазика, кивнул Натэле, и та спокойно и серьезно пошла за ним к подъезду, толкая коляску. Батон присел на край тротуара и глубокомысленно почесал в затылке. Белка и Полундра обменялись ошалелыми взглядами.

– Ах вот, значит, как... – пробормотала Юлька. – Ну и дела-а-а...

– Полминуты, – и он уже ей коляску тащит! – провозгласила Белка. Это Атаманов-то наш! Господи, что на свете делается!

Подруги дружно повернулись за поддержкой к Батону, но тот только пожал плечами и закатил глаза к небу.

Атаманов и Натэла вернулись быстро, причем Серега на ходу что-то жевал, а Натэла держала в руках пакет.

– Пирожки, – весело пояснила она. – С курагой. Только утром пекла.

– Ты умеешь? – уважительно спросила Юлька.

– А что тут такого? – пожала плечами Натэла.

Пирожки честно разделили на крыше гаража: получилось по одному с четвертью на брата. Атаманов уступил свою четверть Юльке, коротко ввел Натэлу в суть всего происходящего и открыл совещание:

– Ну, так чего, братва? В смысле, делать чего будем?

– Наверное, куклу надо все-таки вернуть, – предложила Натэла.

– Кому вернуть? – хмыкнула Юлька. – Если что-то в окно кидают, значит, оно не нужно. Может, нам еще мусор с помоек обратно по квартирам растаскивать?

– Кукла не мусор, а вещь. Она могла нечаянно упасть.

– Если бы нечаянно, она бы прямо под окном, на асфальт упала, – буркнул молчавший до сих пор Батон. – А ее пульнули как гранату... до середины клумбы.

– А кто пульнул? – нахмурилась Юлька. – Сова или та... рыжая?

– Сова как раз звонить убежала, еще не вернулась. И потом, она ж старая, до клумбы бы не докинула...

– Моя бабушка попадает в дартс с шести метров, а ей почти восемьдесят, – задумчиво произнесла Натэла.

– Твоя бабушка – мастер спорта? – заинтересовалась Юлька.

Натэла молча покачала головой и сказала:

– Может, в милицию позвонить?

– Не надо! – завопила Юлька, обменявшись паническим взглядом с Атамановым. – Нас с Серегой заберут за это самое... за незаконное вторжение! И потом, рыжей-то нет, значит, она живая. И из обморока сама встала. Что мы в милиции скажем? Что куклу нашли?

– А чего она такая тяжелая? – вдруг спросил Батон, взвешивая куклу на ладони.

Игрушка тут же пошла по рукам, и все убедились: действительно тяжелая.

– Дайте сюда, – протянул руку Атаманов. Деловито потряс куклу и объявил. – Сейчас я ее раскурочу.

– Только осторожно! Красивая же! – запищали девчонки.

Атаманов кивнул и со всей возможной деликатностью расковырял куклу со спины. Открылась она неожиданно легко. Встряхнул – и прямо под ноги завизжавшей Белке покатились три кольца и большие, заискрившиеся под закатными лучами серьги. За ними змейками вытекли два браслета с голубыми и зелеными камнями, солидно стукнула о крышу гаража брошь – букет гладиолусов, тоже вся усыпанная сверкающими камешками, выскользнула диадема с зеленым камнем в виде ограненной капельки. Последним появилось кольцо – переплетенные виноградные грозди из зеленых и золотистых камней. На месте самой большой виноградины зияло пустое гнездо: камня в нем не было.

– А-а-ах... – хором вздохнули девчонки.

Батон машинально прикрыл сокровища широкой ладонью, но тут же был обруган («Не тронь! Сломаешь! Дай посмотреть!») и оттерт в сторону.

– Мамочки, да что ж такое... – пролепетала Полундра, осторожно, как до раскаленного, дотрагиваясь пальцем до кольца с большим густо-фиолетовым камнем.

Брошь играла льдистыми гранями, переливаясь голубоватым и синим. Тяжелые серьги со старинными неудобными «рыболовными» крючками сумрачно поблескивали таинственной зеленью камней. Колье искрилось в свете заходящего солнца бриллиантовым блеском.

– Та-ак... – хрипло сказал Атаманов. – И... кому все это возвращать? И вообще, куда теперь все это девать?

Ответа ни у кого не было. Батон яростно тер ладонью затылок. Белка, зажмурившись, тихонько пищала – то ли от страха, то ли от восхищения. Юлька сидела с остановившимся взглядом и лихорадочно пыталась определить размеры свалившейся на них катастрофы. Одна Натэла сохраняла спокойствие. Обведя всех взглядом темных глаз, она тихонько предложила:

– Надо драгоценности как следует спрятать.

– Куда?! – хором завопили все.

– Наверное... назад в куклу?

Юлька открыла рот. Закрыла. Опять открыла и придушенным голосом сказала:

– Гениально! Круто! Круче некуда! А куклу саму куда? Я лично ее домой не возьму! Из-за них Сова, может быть, рыжую тетку придушила, труп где-то спрятала, а я тут буду...

– Бэл-лоч-ка!

Негромкий нежный возглас, послышавшийся снизу, поверг компанию на крыше гаража в панику. Атаманов выронил куклу, которая покатилась к краю крыши, где ее едва успел поймать Батон. Полундра упала животом на сверкающую горку драгоценностей, Натэла с достоинством прикрыла подолом платья лежавшее рядом кольцо. Белка с вытаращенными от испуга глазами свесилась через край крыши.

– Что, Соня? Я здесь!

– Бэллочка, опять ты забралась на гараж? Кажется, мы с тобой договаривались, и ты обещала... Ты занималась? Ты обедала? Ты была на сольфеджио? Что сказала Нина Аполлодо-ровна? Как твои тридцать вторые у Шопена?

– Господи... – вздохнула Юлька, с искренним сожалением взглянув на подругу. – Хорошо, что у меня старшей сестры нету...

– А у меня есть еще три старших брата, – задумчиво сообщила Натэла.

– Два здесь, а третий где? – неожиданно заинтересовался Атаманов.

– Зурико сейчас служит на границе. Он... очень хороший.

– Небось твой Зурико тебя сольфеджией не мучит, – проворчал Серега, глядя на то, как Белка, торопливо бормоча: «Я уже иду, Соня! Тридцать вторые получаются», – слезает с крыши и бежит к подъезду. – Полундра, а чего она своей Соньки так слушается? Она же сестра, а не мать. Белка ей подчиняться не обязана.

– Ха! Ну да, не мать, но Сонька ее на пять лет старше. Мать все время за границей мастер-классы дает, ее в Москве-то не бывает почти, а Сонька Белку и в детский сад водила, и в школу, и в музыкалку. И в консерваторию засунет, я точно знаю!

– Вот счастье-то привалило... – хмыкнул Атаманов.

Белка, печально помахав друзьям рукой, скрылась в подъезде. А кучка драгоценностей по-прежнему поблескивала гранями камней в лучах падающего за тополя солнца. И с этой кучкой по-прежнему следовало что-то делать.

– Надо их разделить, – предложил вдруг Батон. – Каждый возьмет понемножку. Всех сразу-то не передушат.

– Кто? – вздрогнула Юлька. – Кто не передушит?

– Сова. Или рыжая. Мало ли...

Полундра передернула плечами, посмотрела на Атаманова и наотрез отказалась нести домой чужие драгоценности.

– Ладно, давайте все сюда, – подумав, объявил Серега. – Спрячем на нейтральной территории.

Что имел в виду Атаманов, стало понятно, когда он с куклой в руках исчез в замаскированном высоченной крапивой пролазе между гаражами. Там, на небольшом, заросшем травой и кустами пустыре, среди ржавых ящиков и мусора, можно было спрятать что угодно, и отыскать это могла бы только археологическая экспедиция лет триста спустя.

Вернулся Серега быстро, обвел друзей суровым взглядом и сказал:

– На всякий случай сообщаю: украшения под ржавым ящиком возле зеленого гаража, на котором написано... – Он покосился на Натэлу, почесал в затылке и не очень уверенно закончил: – В общем, слово написано.

– Какое? – ничего не понял Батон.

Атаманов, нагнувшись, сказал ему какое. Батон так же шепотом передал слово Юльке, которая для приличия поморщилась. Натэла внимательно смотрела на новых друзей. Затем ровно, без обиды спросила:

– Вы мне не доверяете?

Атаманов и Батон растерянно переглянулись и дружно полезли пятерней в затылки. Юлька сложилась в приступе хохота, а когда разогнулась, все еще давясь смехом, пальцем на пыли написала для Натэлы широко известное слово. Прочитав, та слегка покраснела и коротко сказала:

– Понятно.

– Ну, раз так, то по домам, – с облегчением поднялся Атаманов. – Завтра утром встречаемся здесь же. Ночью всем думать, что делать.

– Что делать, что делать... – пробурчала Юлька, задом съезжая с крыши гаража. – Сухари сушить!

Вечером Юлька сидела у себя. Включенный для конспирации телевизор орал на всю комнату, мешая сосредоточиться. Черная кошка по имени Мата Хари важно разгуливала между наваленными на столе книгами. Юлька выгребла с полок все подаренное ей дедом на тридцатилетие собрание сочинений Конан Дойля и уже третий час перелистывала книги одну за другой. Но Шерлок Холмс с доктором Ватсоном никогда не занимались куклами с начинкой из драгоценностей – к такому выводу Полундра пришла, закрыв последний том.

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросила она Мату Хари.

Кошка вылизывала себе заднюю ногу, задрав ее выше головы, и ей было явно на все плевать. Отложив Конан Дойля, Юлька с тоской взглянула на учебник алгебры – и решительно задвинула его за горшок с фикусом. Подошла к зеркалу. Оттуда на нее взглянула насупленная физиономия в ореоле растрепанных соломенных волос, со вздернутым носом и горстью веснушек на нем, заметных даже в свете телевизора.

Еще в средней группе детского сада Юлька убедилась, что быть девочкой ужасно. Почему-то считается, что, родившись, на свою голову, девицей, ты теперь по гроб жизни обязана ходить (а не бегать!) в бантиках и рюшечках, с косичками (а не растрепанными волосами!), в нарядных сандаликах или туфельках (а не в старых разбитых, но удобных кроссовках!) и так далее в том же духе. И никаких ободранных коленок и носов, никакого лазания через забор, никакой игры в правой полузащите, никаких гаражных крыш, порванных джинсов и синяков под глазом, полученных в честной битве с захватчиками из соседнего двора! А без всего этого разве жизнь? Так, мучение... А кошмарная фраза «Ты же девочка!», которая преследовала Юльку всю ее раннюю молодость?! Несешься, например, по спуску к бульварам на скейте, мелькают мимо деревья и изумленные лица, ветер бьет в лицо и пузырит футболку с надписью «ZINEDDIN ZIDAN» на спине, волосы в растрепку, радость шипит в горле, как холодная кока-кола, а сзади – Атаманов на таком же скейте... И что еще, спрашивается, нужно человеку для счастья? Так нет! Обязательно навстречу попадет соседка, или училка, или, что совсем уж возмутительно, вовсе посторонняя старушенция с кошелкой, которой о своих бы внуках думать, и раздастся это навязшее в зубах: «Господи, ты же девочка, как ты себя ведешь!» И все, кайфу конец.

Полундра свирепо поправила на плече сползшую футболку, показала зеркалу язык и пошла в комнату деда.

Игорь Петрович не спал, хотя время уже приближалось к полуночи. На его столе горела зеленая лампа, и Юлька увидела согнувшуюся над книгой сухую высокую фигуру деда.

– Что читаешь? – поинтересовалась она, закрывая за собой дверь.

Дед молча показал обложку: «История наполеоновских войн». Юлька поморщилась:

– Но ведь ску-у-чно же...

– Да? – поднял голову Игорь Петрович. – В твои годы мне тоже это казалось скучным. А как твоя математика?

По Юлькиной гримасе можно было понять, что математика ничем не отличается от наполеоновских войн.

– Ты напрасно занимаешься под телевизор, – заметил Петрович, снимая очки. – Посторонние звуки не способствуют усвоению материала.

– Да ничего я не учу. Надоело! – буркнула Юлька. – Ты не знаешь, почему сегодня к Сове «Скорая» приезжала?

– К Маргарите Владимировне? – Дед вздохнул. – Я тоже видел. Да мало ли в ее возрасте может быть поводов...

– Так и ты у меня в возрасте, а к тебе «Скорая» не ездит, – проворчала Юлька, автоматически покосившись на привинченную к стене металлическую трубку турника, на котором Игорь Петрович без труда делал тридцать отжиманий. Рядом висел эспандер, а у двери валялись гантели.

– Я – боевой офицер и распускаться не имею права, – знакомой всему семейству Полторецких фразой ответил Игорь Петрович. – А Маргарита Владимировна – одинокая, несчастная женщина.

– С чего вдруг она несчастная? – удивилась Полундра. – А одинокая... Так она же сама ни с кем не хочет общаться, даже с бабками нашими на лавочке не сидит никогда.

– Много чести – с ними сидеть, – отрезал дед. – Юлия, уже поздно, иди спать. Завтра утром у меня приемные экзамены в академии, а тебе – ехать в аэропорт встречать Павла. Еще ты должна будешь что-нибудь приготовить на обед: мальчик прилетит голодным. Не забудешь? Или написать утром записку?

– Да вспомню, вспомню... – поморщилась Юлька. – Щас уже спать пойду. А... а почему ты говоришь, что Сова несчастная?

Игорь Петрович ответил не сразу. Встал, прошелся по комнате, аккуратно поставил обратно на полку «Историю наполеоновских войн», прикрыл створку окна. Зачем-то снова надел очки и внимательно посмотрел на внуку.

– Я тебе, Юлия, всегда говорил, что семья для человека – главное в жизни...

– Ага. Особенно кузены из Иркутска, – кисло встала Юлька.

Дед, словно не слыша, продолжал:

– Ты еще слишком молода, а с возрастом поймешь, что только близкие люди дают нам силы жить. И Маргарита Владимировна – не исключение.

– У нее же никого нет!

– В том все и дело. А когда-то все было – и муж, и дочь. Но Анатолий Иванович, царство ему небесное, умер очень рано, а дочка... – Игорь Петрович замолчал. Затем задумчиво продолжил: – Такая яркая была девушка, высокая, с роскошными рыжими волосами, которые она никогда не заплетала...

– Она тоже умерла? – пропищала Юлька.

Дед открыл было рот, чтобы ответить, но в это время из прихожей зазвонил телефон, и он пошел брать трубку. Юлька галопом проскакала в свою комнату и со всей силы захлопнула за собой дверь.

По ее спине поползла липкая дрожь. От открытого в темный двор окна неожиданно повеяло могильным холодом. Судорожно вздохнув, Юлька обхватила плечи руками. Господи... Дочь, рыжие волосы... У той тетки, которая прикатила сегодня к Сове, которая потом упала в обморок... или не упала... Она же тоже была рыжая! И высокая! Господи, но она же... Она же умерла! Дед сказал: «Яркая была девушка». Была!

Юлька схватилась за мобильный телефон – звонить Белке или Сереге, но, посмотрев на часы, вовремя одумалась. Села на кровать и в течение получаса вспоминала все, что читала и

смотрела о жизни привидений. Доведя себя до трясушки, она кинулась запира́ть окно, задвигать занавеску и баррикадировать табуреткой и музыкальным центром дверь. Обеспечив себе таким образом некоторую безопасность, бесстрашная гроза двора Полундра прыгнула в постель, сунула голову под подушку, накрылась одеялом и подумала, что теперь от страха не заснет ни на минуту. Но уже через пять минут незаметно провалилась в сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.